

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Е. В. Волжениной «Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX века», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация Е. В. Волжениной посвящена проблеме восприятия русскими символистами массовой культуры на рубеже XIX – XX столетий, при этом значительное внимание уделено тому, каков был вклад самих символистов в формирование массовой культуры, какое развитие в будущем получили их наработки, составившие этот вклад. Исследуется влияние, которое оказал феномен массовой культуры на то, что автор работы называет теоретической и практической составляющей творческого наследия символистов, а также обратное воздействие.

В качестве преемников символистов в области массовой культуры и культурной индустрии в диссертации представлены российские футуристы, а именно группа кубофутуристов, куда входил Владимир Маяковский, ему диссертантом отведено особое внимание. Установление подобной преемственности выглядит закономерным и обосновано Е. В. Волжениной, тщательно сопоставившей элементы и приемы массовой культуры в деятельности обоих направлений – символистов и футуристов, – что ранее не становилось непосредственной задачей исследований. Представляется вполне оправданным сам поиск и выявление таких «последователей» символистов, так как именно в исторической работе целесообразно попытаться рассмотреть процесс становления массовой культуры и культурной индустрии в его развитии, что довольно сложно сделать, если ограничиваться только периодом расцвета символизма.

Выбранная диссертантом тема исследования отличается научной новизной в свете того, что сам по себе символизм в литературе и искусстве в

конце XIX – начале XX века является следствием симптоматичного для данного периода общего «символизма» мировоззрения. В то же время, разработка представления о символизме как мировоззрении и изучение областей его влияния далека от завершения, и настоящая диссертация вносит в него определенный вклад.

К футуризму – не только направлению в искусстве, но и общему предчувствию будущего и попыткам формировать его в первые десятилетия XX века, сказанное выше также приложимо, хотя и в меньшей степени.

Диссертантом отмечено, что при изучении символизма как многогранного, не сводимого к литературе и искусству явления, автор исследования опиралась на историографические традиции – работы Бернис Г. Розенталь, О. Матич, И. Паперно, Д. Иоффе, В. Сарычева, М. Воскресенской, но нельзя пройти мимо того факта, что исторических исследований символизма насчитывается крайне мало. Ознакомление с историографическим разделом работы, построенным по проблемно-хронологическому принципу, приводит к следующему выводу: предложенная тема диссертации является для отечественной науки новой и открывает перспективы углубленного изучения принципов формирования массовой культуры.

Кроме того, элемент новизны заключается в попытке параллельного изучения двух, на первый взгляд, трудно совместимых составляющих отечественной культуры в конце XIX – начале XX века.

Помимо научной новизны тема отличается актуальностью. Во-первых, и в наши дни остается насущной проблема соотношения личности и общества, над которой много размышляли символисты, изучение их опыта необходимо и полезно. Во-вторых, в современной России чрезвычайно актуально всестороннее исследование культурной жизни и духовного опыта прошлого, особенно переломных для страны моментов истории, а в данной диссертации содержится свежий взгляд на малоизученную сторону русского символизма.

Научная значимость диссертации заключается в постановке и решении автором исследования интересных, актуальных и новых для отечественной исторической науки задач. Исследование открывает перспективы для дальнейшего их изучения, что также определяет его научную значимость. Что касается практического значения работы, то материалы, собранные в процессе исследования, и выводы автора вполне подлежат использованию при создании методических разработок, учебных курсов, программ и т.д.

Структура диссертации не вызывает каких-либо нареканий. В целом работа построена логично, однако имеются недочеты. Это касается, в частности, первого параграфа первой главы, где диссертант описывает, как складывались взгляды Д. Мережковского на роль личности и массы в современном мире и как рождалось его понимание «мещанства». Е. В. Волженина переходит от 1904-го года к 1906-му году и затем возвращается к более раннему временному отрезку – 1899 г., что не выглядит оправданным и необходимым. Однако в целом структура работы довольно стройна, сбалансирована и позволяет автору последовательно отвечать на поставленные цели и задачи.

Первая глава «Русский символизм о массовом обществе» содержит описание воззрений русских символистов на современное общество, а именно на такой его аспект, как возрастающая роль народных масс и коллективов. В первом параграфе первой главы, «Противоречие “личность-масса-общество” в осмыслении русского символизма», показано, как символисты осмыслили указанное противоречие и на каком интеллектуальном фоне развивались их рассуждения. Таким образом, символисты с их усиленным вниманием к личности оказываются встроены в эпоху, в целом характеризующуюся повышенной сосредоточенностью на вопросах индивидуализма. Е. В. Волженина указывает на то, что, хотя то значение, которые символисты придавали отдельной личности, и вызывало порой вопросы и неприятие современников, подход русских поэтов и писателей к проблеме личности отличался многоплановостью.

Диссертантом установлено, что противоречие между индивидуальным и коллективным символисты осмыслили, прибегнув к тернарной оппозиции «личность–масса–общество». Такой ход, во-первых, привел к тому, что личность, обладающую высоким потенциалом творческого развития, поэты-философы поставили во главу угла гармоничного общества. Во-вторых, свежий взгляд символистов на соотношение и противоречия индивидуального и коллективного позволили им схематично представить типы общества: «положительные», где значение личности предотвращало превращение общества в безликую массу, и «отрицательные», где угроза обезличения не была предотвращена. Эти противопоставленные друг другу пары – «мещанство или христианство» у З. Гиппиус и Д. Мережковского, «легион или соборность» у Вяч. Иванова, «механический и органический типы» у А. Белого.

Таким образом, Е. В. Волженина приходит к выводу о том, что рассуждения символистов об обществе при отдельных разногласиях все-таки можно свести к единому культурному проекту символизма, «царству Духа», поскольку именно духовное развитие безоговорочно признавалось всеми изучаемыми в диссертации персоналиями в качестве наиболее важного, и именно преобразование духа личности рассматривалось ими в качестве подлинной революции.

Второй параграф первой главы, «“Человек-артист” и новое понимание культуры», является логичным развитием темы личности и общества и их противоречий. В данном разделе диссертации описан идеал личности русских символистов, собирательно названный исследователем «человек-артист». Е. В. Волженина рассматривает это идеальное представление о личности в контексте, породившем его, и делает вывод о том, что на его оформление в наибольшей степени повлиял процесс массовизации общества, воспринятый символистами в качестве опасности, т.е. вполне конкретная угроза появления «хама». Если оппозиции «положительного-отрицательного» устройств общества определялись в соответствии с

критерием роли и места личности в каждом из них, то идеал отдельной личности у символистов был сформирован исходя из представления о необходимости раскрытия всех творческих возможностей человека. В то же время, не менее важную роль в формировании представления о «человеке-артисте» сыграло, как отмечает диссертант, желание воздействовать на читателя, воспитывать его и «выращивать» идеального потребителя тех культурных продуктов, что могли предложить и предлагали символисты, а в перспективе отдаленной такой образцовый потребитель культуры, согласно символизму, должен был стать самостоятельным творцом. «Младосимволисты», они же «соловьевцы», наиболее последовательно, по сравнению со своими «старшими» коллегами, решали как раз последнюю из упомянутых задач. Рассуждения Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Александра Блока о новом человеке проникнуты пониманием демократического смысла искусства: дальнейшее развитие «человека творческого» ставило, по сути, крест на самой идее профессиональных занятий культурой, но, как утверждает диссертант, данная перспектива не пугала поэтов. Культурное творчество представало в их перспективе единым теургическим действием, объединяющим социум.

Помимо идеала личности символистов в диссертации характеризуются их воззрения на сферу существования «человека-артиста». В качестве одного из основных тезисов раздела предлагается следующее: творческий человек должен был существовать и проявлять себя в пространстве культуры, которая понималась символистами как универсальная ценность и потенциальная замена традиционной религии. Понимание «культуры как новой религии – реализующей творческий рост личности и служащей связью между людьми» (С. 67) и благоговейное отношение к ней, по словам диссертанта, были свойственны всем символистам. Основные выводы автора в первой главе таковы: в результате размышлений символистов над проблемой массовизации общества и параллельного обострения значения индивидуального, в первую очередь, в культурной жизни, был создан проект

«царства Духа», который может быть назван обще-символистским, а также идеал творческой созидательной личности – «человек-артист», действующий в пространстве культуры будущего. Задачи исследования, обозначенные Е. В. Волжениной, выполнены: автор работы изучил различные аспекты теории русского символизма, ставшей реакцией творческого направления на «омассовление» общества, в то же время выявлено, каков был идеал личности русских символистов, как и в результате чего он сложился. Предлагаемые в диссертации отношения прямой зависимости символистского опыта и преобразований советской власти в области культуры выглядят преувеличением. Здесь уместнее было бы либо говорить о некотором парадоксальном сходстве подходов, отмечаемом, впрочем, диссертантом, либо детально рассмотреть моменты преемственности, а не ограничиваться общими фразами. Тем не менее, выводы автора аргументированы и имеют определенную научную ценность.

Во второй главе рукописи «Русский символизм в пространстве массовой культуры» рассказывается о том, как символизм существовал в пространстве ранней массовой культуры 1890-х – 1910-х гг. Интересен уже сам по себе факт установления такого существования: традиционно представляемое элитарным, течение рассматривается сквозь призму массовой культуры. Благодаря рассмотрению проблемы под необычным углом диссертанту удастся выявить два основных измерения этого существования: во-первых, отношение символистов к популяризации их идей и образов, а также к эпигонству, соотносимому в диссертации, судя по всему, с понятием «массовый модернизм», во-вторых, участие символистов в создании механизмов массовой культуры.

В первом параграфе главы, «“От Беато до плаката”: массовый модернизм в осмыслении символистов» с разных сторон рассмотрено восприятие символистами того факта, что занятия литературой и искусством во все большей степени становятся профессиональными, соответственно, произведения искусства сближаются по своему способу функционирования с

продуктами материального производства и начинают производиться на продажу и покупаться. В параграфе описывается, как озабоченность торжеством «денежного варварства» в сфере литературы, впервые проявленную Д. Мережковским, подхватили «младшие» символисты, особенно А. Белый. Андрей Белый наиболее остро и неприязненно воспринял быстро ставший модным в 1906 г. «мистический анархизм», понятый им как насмешка над мечтами и чаяниями собственной молодости эпигонов символизма, и вообще любое тиражирование символистских идей без должного уважения к их источникам. Внимания заслуживает отмеченная диссертантом одна из причин особо острого восприятия так называемого «массового модернизма»: совпадение по времени его расцвета с первой русской революцией 1905–1907 гг.

В данном разделе автор диссертации дает собственное объяснение тому, почему не сбылись мечты юных «соловьевцев»: теургические идеи поэтов не могли приобрести популярности в своем первоначальном виде и потому подверглись профанации – в массовой бульварной продукции, а также в таком направлении (по мнению Андрея Белого и Александра Блока), как упомянутый мистический анархизм. В результате «стремление сделать искусство понятнее и демократичнее привело, в первую очередь, к его вульгаризации и коммерциализации» (С. 90). С этим утверждением автора можно согласиться, однако необходимо отметить, что далеко не только сложность оригинальных идей символистов мешала их широкому распространению, усвоению и осуществлению. Не меньшее значение имело, во-первых, то, что символисты далеко не всегда были последовательны в своем мировоззрении, что напрямую относится к Андрею Белому, во-вторых, несомненная склонность символистов-поэтов к весьма отвлеченным, умозрительным построениям, плохо согласующимся с реалиями российского общества начала XX века.

Второй параграф, «Механизмы массовой культуры в жизнотворчестве русского символизма», содержит объяснение того, почему русский

символизм в принципе подвергся тиражированию. На многочисленных примерах автор демонстрирует конкретные методы символистов по популяризации своего творчества, с одной стороны, и превращению его в нечто более «жизненное», качественно отличающегося от предшествующего развития литературы и искусства, с другой. По мнению Е. В. Волжениной, попытки символистов выполнить задачи жизнетворчества привели к глубоким противоречиям: «парадокс жизнетворчества состоит в том, что, как только совершался переход от абстрактных рассуждений к делу, в него немедленно вторгалось непредвиденное, практическое или коммерческое измерение» (С. 108). Наиболее ярко данные противоречия сказались в истории создания и распространения творческих моделей поведения, изначально задуманных как образцы для будущего «человека-артиста», но постепенно превратившихся в продукты-имиджи, существующие по правилам культурной индустрии.

Главные выводы автора во второй главе сводятся к тому, что, во-первых, на творчество символистов, желали они того сами или нет, оказывал большое влияние сам факт их существования в период формирования городской публики и появления нового читателя, которого с рядом оговорок можно назвать массовым, во-вторых, «массовый модернизм» символисты восприняли негативно и критиковали всеми доступными способами, в-третьих, несмотря на подобную критику, сами символисты не были чужды массовой культуре, и даже использовали механизмы массовой культуры в собственном творчестве.

Третья глава, «Наследие русского символизма в массовой культуре 1910-х – 1920-х гг.», включает три параграфа, содержит наблюдения исследователя над тем, как развивались достижения символизма в сфере массовой культуры, в первую очередь, модели творческого поведения, в годы, когда символизм как литературное направление утратил лидерство, а также рассуждения о роли символа и мифа в массовой культуре.

В первых двух параграфах автор сравнивает опыт символистов и футуристов во всем том, что касается взаимодействия с публикой. В первом параграфе третьей главы отмечается, что эпатажные приемы такого взаимодействия футуристы унаследовали от символистов, хотя внешне неизменно отрицали какую-либо преемственность, и довели их до совершенства, создав настоящий и весьма успешный коммерческий проект. Второй параграф «Маяковский – советский поэт масс» полностью посвящен трансформации имиджа футуриста, создававшегося как до, так и после октября 1917 г. одними и теми же средствами, впервые предложенными и обкатанными символистами, потом детально разработанными футуристами. Смыслы, которые транслировал поэт, могли меняться, но его инструментарий в основе своей оставался тем же, так как еще до социалистической революции был приспособлен к взаимодействию с массами.

Третий, заключительный параграф, «Символизм, миф и массовая культура», является итоговым для всего исследования и представляется наиболее интересным и оригинальным. В данном параграфе исследована роль творческой практики символистов в формировании массовой культуры, которая, по мнению автора, заключается в том, что символисты открыли или, по крайней мере, приняли участие в открытии архетипов – универсальных конструкторов сознания, из-за чего наблюдалась своего рода культурная трансформация некоторой части традиционного религиозного сознания. Ценны отдельные наблюдения диссертанта относительно деятельности символистов после 1917 г. Некоторые из них (в частности, Вячеслав Иванов) продолжали какое-то время считать, что монополия новой власти в области культуры не является для них непреодолимым препятствием для корректирующего участия в культурной жизни. Сведения, представленные в данном разделе, помогают сделать вывод о том, что не все символисты были безоговорочно готовы принять общество, сплошь состоящее из «артистов», и намеревались принять на себя руководство в сфере культуры.

Выводы третьей главы соотносятся с поставленными автором задачами. Е. В. Волженина приходит к заключению о том, что имелась преемственность между символистами и футуристами (а в советское время – Владимиром Маяковским) в области контакта с публикой, при этом футуристами была значительно усилена коммерческая составляющая. Символистам благодаря их творческой работе с архетипами удалось внести вклад в модернизацию сознания, совершившей в начале XX в. переход от традиционного религиозного типа – к современному, светскому.

Исследование Е. В. Волжениной можно считать состоявшимся, однако оно не избавлено от ряда недостатков различного характера. Остановимся на них подробнее. Как уже говорилось выше, имеются недостатки в композиционном построении отдельных разделов. Например, на с. 54 автор подводит небольшой итог после рассмотрения взглядов Д. Мережковского. Финальным выводом становится то, что Д. Мережковский в своей поэтической практике – символист первой волны, в публицистике начала XX в. – возглавляет вторую. Данный вывод вряд ли можно считать логически вытекающим из всего сказанного выше и достаточно весомым, причем рассуждения диссертанта распределены непропорционально: сначала они глубже и богаче, потом страдают схематичностью. Очень незначительное количество ссылок на работы символистов в тех местах, где автор диссертации делает собственные выводы, что не позволяет видеть на что опирается исследователь, и это является недостатком работы.

Ряд содержательных моментов требует уточнения. На с. 6 заявлено, что символизм – начальный этап модернизма, и модернизационный проект большевиков имели *общую цель* преодолеть господство материальных факторов над жизнью человека, что либо неправильно выражено, либо в корне неверно, так как в основе идеологии большевизма лежит как раз господство материального над духовным и разрушение русской культурной традиции. Далее, не прояснена роль М. Морозовой в учреждении московского Религиозно-философского общества (С. 40). Хотя Морозова и не

относится к центральным фигурам исследования, ее роль необходимо было уточнить. На с. 43 указывается, что Д. Мережковский к 1904–1905 гг. пришел к пониманию того, что «искомый им религиозный синтез уже был дан в христианстве». Правомернее здесь говорить о том, что он истолковал по-своему халкидонский догмат, создав «учение» о равенстве духа и плоти, и построив на его основе доктрину «нового религиозного сознания». Тут же можно сказать и то, что концепция социального христианства «по-мережковски» (а она существовала еще в варианте С. Булгакова и Христианского братства борьбы) не описана диссертантом сколько-нибудь подробно, а на этом моменте стоило остановиться, потому что социальное христианство в 1905–1907 гг. имело вес в российском интеллектуальном пространстве. Возможно, диссертанту следовало бы дать краткие характеристики исторических событий того или иного рассматриваемого периодов и связать их с анализируемым творчеством того или другого символиста.

Явной натяжкой выглядит утверждение о том, что основой «Третьего завета» у Д.С. Мережковского была личность, согласно Д. Мережковскому и З. Гиппиус индивидуальность в новой эпохе должна была уступить место соборности, коллективному сознанию и коллективному же спасению, единой (в религиозном (культурно-теургическом действии) христианской общественности. Не совсем корректно говорить о том, что, согласно Д. Мережковскому, религиозная общественность могла бы «воплотить» Третий завет (С. 50), согласно теоретикам «нового религиозного сознания» эпоха Третьего Завета должна была наступить откровением «свыше». Наконец, вряд ли можно считать идею религиозной общественности Мережковского устаревшей для 1909 г. (С. 52), корректнее было бы говорить о некотором охлаждении к ней; идея по-прежнему была популярна в это время среди религиозной интеллигенции, хотя для теоретика «нового религиозного сознания» претерпела метаморфозу – после 1905 г. новая религиозная общественность должна была составиться из революционеров.

Также диссертация обладает рядом недостатков в отношении терминологии. Во-первых, следовало внятно разъяснить, что подразумевается под «массовым модернизмом» – эпигоны символистов или авторы, прибегающие к модным темам и при том популярные? Во-вторых, автору следовало выработать более четкое представление о периоде существования декадентства, в которое в России символизм практически. В тексте работы встречается слияние адресно разных терминов «декадентство» и «декаданс». Однако указанные недочеты и недостатки не отменяют общей значимости исследования.

Диссертация Екатерины Викторовны Волжениной «Феномен массовой культуры в восприятии русских символистов конца XIX – начала XX века» представляет собой законченное самостоятельное исследование, выполненное на актуальную тему, обладающее научной новизной, содержащее достоверные научные результаты. Диссертация соответствует требованиям п. 9 Положения ВАК РФ «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Содержание автореферата адекватно отражает основные положения, выносимые на защиту, а также выводы диссертации. Результаты исследования изложены в докладе научной конференции и печатных работах, три из которых опубликованы в рецензируемых изданиях из перечня, рекомендованного ВАК Министерства образования и науки РФ для защиты докторских и кандидатских диссертаций.

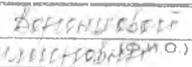
Автор диссертационного исследования Волженина Екатерина Викторовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент –
кандидат исторических наук,
кандидат богословия,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского отдела
новейшей истории Русской Православной Церкви

НОУ ВПО Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
115184, Москва, ул. Бахрушина, д. 2/5, с. 2
Тел.: +7 495 953 31 21
pstgu@pstgu.ru

26/III 2015 г. И. В. Воронцова

Подпись 	
В. В. Воронцова	заверяю
Начальник отдела кадров	 Н.В. Зайцева